

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Погореловский Ф.

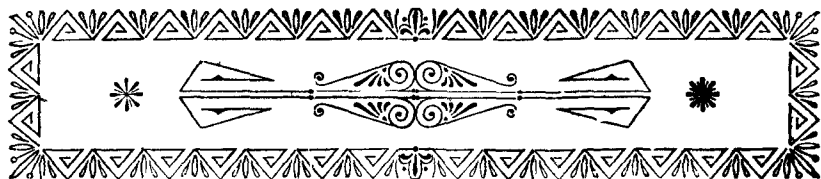
**ФИЛОСОФСКИЕ ЗАПРОСЫ,
ИСКАНИЯ И ВОЗЗРЕНИЯ
БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА
ПО ЕГО «ИСПОВЕДИ»**

Странник, 1907, № 2, с. 177-195

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Философскіе запросы, искажія и воззрѣнія блаженнаго Августина, по его „Исповѣди“.

БЛАЖЕННЫЙ Августинъ занимаетъ особое мѣсто въ исторіи философіи. Онъ стоитъ на границѣ древней языческой и средневѣковой христіанской философіи. Ко времени бл. Августина языческая философія сказала свое послѣднее слово: неоплатонизмъ былъ лебединой пѣснью этой философіи, роль ея была кончена; въ концѣ концовъ она пришла къ сознанию безсилія человѣческаго разума разрѣшить мировые вопросы. На мѣсто этой философіи нарождалась новая, христіанская, роль которой въ развитіи чистаго философскаго мышленія была значительно слабѣе, чѣмъ ея предшественницы.

До Августина христіанская философія успѣла уже значительно развиться и насчитывала въ своихъ рядахъ такихъ мыслителей, какъ Іустинъ муч., Климентъ Алекс., Оригенъ, Тертуллианъ. Но отцомъ христіанской (средневѣковой, а отсюда и новой) философіи считается Августинъ. Въ немъ, какъ въ фокусѣ лучей, сосредоточивалась вся предшествовавшая ему языческая философія, всѣ попытки лучшихъ умовъ язычества найти истину ему были знакомы. „Въ его умѣ, какъ бы въ обширномъ озерѣ, слились многочисленные потоки первоначальнаго христіанскаго мышленія, богословскаго и метафизическаго и отсюда потомъ вылились двумя великими потоками средневѣковой догматической и

мистической философіи ¹⁾. Для той и другой Августины всегда оставался безусловнымъ авторитетомъ. Велико значеніе Августина для средневѣковой философіи, но оно не менѣе велико для развитія вообще христіанской мысли. Это видно изъ того, что Августинъ является авторитетомъ для всѣхъ существующихъ христіанскихъ развѣтвлѣній. Въ Православной церкви онъ считается однимъ изъ авторитетныхъ отцовъ ея. Католичество доселѣ живетъ завѣтами бл. Августина, тамъ онъ является безусловнымъ, почти непогрѣшимымъ авторитетомъ; онъ до сихъ поръ, можно сказать, господствуетъ въ католической церкви. Протестанты, реформаты считаютъ Августина предтечею евангелическаго ученія и стараются это ученіе прикрыть его авторитетомъ. Таково обаяніе этой великой личности и до настоящаго времени; можно представить себѣ, какъ сильно оно дѣйствовало на современниковъ. Изъ писемъ Симплиціана, друга Августина, видно, что всеобщее церковное сознаніе усвоило ему вселенскій авторитетъ ²⁾. На западѣ этотъ авторитетъ былъ особенно силенъ, тамъ голосъ бл. Августина считался органомъ Св. Духа: все, что несогласно было съ ученіемъ Августина, осуждалось, какъ ересь. На востокѣ авторитетъ Августина былъ менѣе силенъ. Дѣйствительно, личность бл. Августина была такъ велика, такъ обаятельна, что онъ легко могъ покорять умы и сердца современниковъ, какъ своимъ геніальнымъ умомъ, свѣтящимся въ многочисленныхъ его сочиненіяхъ, гдѣ онъ является и богословомъ, и философомъ, и психологомъ, и педагогомъ; такъ и своимъ нравственнымъ обликомъ, который, послѣ его обращенія въ христіанство, отличался замѣчательной чистотой. Августинъ стоялъ цѣлой головой выше всѣхъ своихъ современниковъ. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась вся человѣческая природа со всѣми ея совершенствами и недостатками, такъ что „изучая эту великую личность, можно изучать всю человѣческую природу ³⁾. И намъ тѣмъ легче изучать эту замѣчательную личность, что Августинъ увѣковѣчилъ свою,

¹⁾ „Побѣда побѣдившая міръ“. Изд. Побѣдоносцева, третье изд., Москва, 1895 г., стр. 23.

²⁾ Чтенія въ обществѣ любви духовн. просвѣщ. 1887 г. Декабрь, стр. 457

³⁾ Ibid, стр. 432

полную великихъ многопоучительныхъ опытовъ, жизнь въ своей безсмертной „Исповѣди“, этой дивной исторіи души, замѣчательномъ произведеніи великаго духа, произведеніи, въ которомъ оразилась вся гениальная натура знаменитаго отца церкви. Его „Исповѣдь“ есть исторія не только его личной жизни, но исторія, вообще, всякой души, ищущей Бога, не удовлетворяющейся той низменной жизнью, которою живетъ большинство людей. „Въ ней раскрывается предъ нами тотъ психологическій процессъ, который въ большей или меньшей степени переживаютъ всѣ тѣ, кому вѣра достается цѣной борьбы и усилий, кто приходитъ къ ней путемъ долгихъ исканій и сомнѣній“²⁾. Въ „Исповѣди“ бл. Августинъ увѣковѣчилъ намъ свою жизнь въ ея мельчайшихъ деталяхъ, начиная съ колыбели и кончая 33 годомъ въ ней онъ разсказалъ намъ тотъ путь душевной борьбы и страданій, который привелъ его къ Богу. Въ „Исповѣди“ Августинъ отпечатлѣлъ два рѣдко совмѣщаемыя въ одномъ человѣкѣ, качества: глубокой схоластической разсудокъ и живое пламенное чувство. Его умозаключенія такъ строго логически построены, что съ выводами его трудно не согласиться. Что же касается чувства, то достаточно прочесть нѣсколько страницъ „Исповѣди“, чтобы увидѣть, какъ часто онъ прибѣгаетъ къ языку сердца, какъ часто онъ изливается въ чувствахъ благодарности, благоговѣнія и любви къ Богу. Иногда сравниваютъ „Исповѣдь“ Августина съ „Исповѣдью“ Жанъ Жакъ Руссо; не будемъ вдаваться въ критическій разборъ такого сравненія, но необходимо только замѣтить, что между этими двумя великими произведеніями лежитъ коренное различіе въ самомъ ихъ характерѣ.

Для того, чтобы яснѣе было все величіе личности Августина, необходимо обратить вниманіе на ту эпоху, въ которую онъ жилъ. То былъ вѣкъ всеобщей умственной и нравственной расшатанности. Христіанство еще не вполне выработало свое теоретическое ученіе, догматика его еще не была закончена. Въ языческомъ мірѣ не было ни одного твердаго философскаго ученія, а существовало ихъ множество. Августинъ, ссылаясь на Варрона, насчитываетъ не

²⁾ Міросозерц бл. Авг. Кн. Ев. Трубецкого, Москва, 1892 г., стр. 29.

менѣ двухъ сотъ осьмидесяти осьми учений по вопросу объ истинной цѣли человѣческой жизни ¹⁾).

Нравственная жизнь христіанъ временъ Августина не представляетъ уже собою того образца чистоты и христіанской любви, какимъ она была въ первые вѣка христіанства. О нравственной жизни язычниковъ распространяться не приходится: она и такъ извѣстна хорошо съ худшей стороны. Особенно низка была нравственная жизнь общества въ Карфагенѣ, столицѣ Африки, родинѣ бл. Августина. Широкая натура африканца здѣсь не знала границы своимъ страстямъ; все то (незначительное по своему объему) святое, высокое, доброе, что сохранилось въ этомъ общемъ морѣ разврата и нечестія, по свидѣтельству современниковъ, ожесточенно преслѣдовалось толпой. Въ такой то умственной и нравственной атмосферѣ родился и выросъ бл. Августинъ, одаренный богатыми природными дарованіями, съ сильной жаждой знанія, высочайшаго добра, истины, красоты. И если эта искра Божія, несмотря на окружающую его среду, не угасла въ немъ совершенно, а разгорѣлась въ сильный и яркій пламень, то этимъ Августинъ, въ значительной мѣрѣ, обязанъ матери своей Моникѣ, которая какъ бы олицетворяла въ себѣ все то добро, которое еще жило въ тогдашнемъ обществѣ.

Философскіе запросы пробудились въ душѣ Августина очень рано. Девятнадцати лѣтъ онъ прочиталъ „Гортензія“ Цицерона (книгу до насъ не дошедшую); эта книга, по собственному признанію Августина, произвела на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Она была для Августина тѣмъ толчкомъ, послѣ котораго всѣ его смутныя юношескія мечтанія и стремленія получили большую опредѣленность, обрисовались яснѣе; съ этихъ поръ онъ сталъ стремиться къ истинѣ, началъ искать Бога. „Я, говоритъ Августинъ, со всею сердечной горячностью возжелалъ вѣчной мудрости, и сталъ помышлять о томъ, чтобы возстать и возвратиться къ Тебѣ... Содержаніе его („Гортензія“) зажгло во мнѣ желаніе полюбить не ту или другую секту, но самую мудрость, какова бы она ни была, поискать ее, обрѣсти, воспріять и крѣпко-на-крѣпко держаться ея“ (Исп. 3 к. Изд. К. Д. Ак.).

¹⁾ „Побѣда побѣдившая міръ“

Въ сущности, у бл. Августина были тѣ самые философскіе запросы, которые проявляются у всѣхъ людей въ извѣстную пору, за исключеніемъ развѣ людей, стоящихъ на самой низкой степени развитія, жизнь которыхъ сосредоточена исключительно на животныхъ потребностяхъ. Это тѣ, старые, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно новые вопросы о Богѣ, бытіи, началѣ, о человѣкѣ и т. п., которые получили такое прекрасное выраженіе въ извѣстномъ стихотвореніи Гейне (О, разрѣшите мнѣ жизни загадку.. “). Тысячи людей различныхъ странъ, эпохъ, народовъ мучились и мучатся этими вопросами; мучился ими и бл. Августинъ. Только въ немъ, какъ личности выдающейся по своимъ природнымъ дарованіямъ, въ высшей степени пытливой, эти философскіе вопросы достигли высшаго своего напряженія; въ немъ они выражались иногда въ физическихъ страданіяхъ, О своихъ мученіяхъ Августинъ рассказываетъ въ своей „Исповѣди“: „О, какія мученія терзали мою душу, при рождавшихся въ ней различныхъ о томъ мысляхъ! Сколько воздыханій исторгалось изъ нея при этомъ, Боже мой!.. Наконецъ, когда въ глубочайшемъ уединеніи я сосредоточилъ всѣ усилія къ разрѣшенію неразрѣшимаго для меня вопроса (о злѣ); то таившіяся въ душѣ моей терзанія какъ бы проторглись изъ нея въ столь громкихъ рыданіяхъ, что они вознеслись къ престолу милосердія Твоего“ ¹⁾.

Основной философскій вопросъ, который доставилъ Августину больше всего мученій, былъ вопросъ о злѣ (происхожденіи его, природѣ); это, можетъ быть, потому, что этотъ вопросъ былъ практической. Въ окружающей средѣ Августинъ видѣлъ ужасающую массу зла, онъ видѣлъ, что міръ во злѣ лежитъ ²⁾; вездѣ, куда онъ ни обращалъ свой взоръ, онъ видѣлъ борьбу зла съ добромъ, причемъ перевѣсъ въ этой борьбѣ почти всегда оставался на сторонѣ зла. Повсюду Августинъ замѣчалъ эту страшную раздвоенность, борьбу, замѣчалъ ее, какъ въ окружающемъ его мірѣ, такъ и въ себѣ самомъ. Въ себѣ онъ очень ясно видѣлъ разладъ между духомъ и плотію, ихъ вѣчную борьбу, на себѣ онъ часто испытывалъ, какъ правдивы слова апостола: я не то

1) 7 кн 7 гл.

2) 1 Іоан V, 19

дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю ¹⁾; Августинъ прекрасно понялъ то противорѣчіе, которое такъ глубоко заложено въ человѣческую природу. И никто глубже и вѣрнѣе Августина не изображаетъ это внутреннее противорѣчіе, это глубокое раздвоеніе, проникающее въ самыя сокровенныя фибры нашего существа. Отсутствие единства, цѣльности, есть основной признакъ нашей извращенной природы ²⁾. Августинъ хотѣлъ вырвать съ корнемъ зло изъ своей природы, уничтожить его; духъ его стремился къ освобожденію отъ плоти, къ побѣдѣ надъ ней, но это ему не удавалось, онъ часто падалъ нравственно, отдавался плоти ³⁾. Куда же, думаетъ Августинъ, бѣжать отъ этого разлада, этой двойственности, какъ уничтожить въ себѣ это внутреннее противорѣчіе? Гдѣ найти такой принципъ, при помощи котораго можно бы возстановить цѣльность, гармонію нашей природы? Какъ спастись человѣку?

И вотъ Августинъ обращается къ исканію такого начала, къ исканію истины. Нужно сказать, что исканія Августина не носятъ чисто философскаго характера, а скорѣе — религиозно-философскій. Августинъ искалъ не только объективной истины, но и Бога, какъ объекта для своего субъективнаго религиознаго чувства. Онъ вѣрилъ, что, гдѣ Богъ, тамъ и истина и наоборотъ, гдѣ истина, тамъ нецрѣмѣнно и Богъ. Своимъ религиознымъ чувствомъ, всосаннымъ имъ вмѣстѣ съ молокомъ матери, онъ вѣрилъ, что одинъ Богъ можетъ быть такимъ началомъ, въ которомъ примиряются контрасты временной дѣйствительности, уничтожается раздвоенность человѣческой натуры; сквозь призму своего религиознаго чувства онъ пропускалъ различныя философскія ученія. Такъ, говоря о томъ благотворномъ вліяніи, которое произвело на него чтеніе „Гортензія“, онъ говоритъ: „одно

¹⁾ Римл VII 15

²⁾ Трубецкой Міров бт Авг стр. 22

³⁾ Многие полагають, что Авг до своего обращенія въ христ былъ ужаснымъ развратникомъ, вообще чужьомъ, стоящимъ на самомъ низкомъ нравственномъ уровнѣ. Мнѣ кажется, что онъ не былъ развратникомъ въ нашемъ смыслѣ; хотя онъ въ своей Исповѣди и нападаетъ страшно на свою до христіанскую жизнь, но нужно признать во вниманіе, что онъ судилъ о своей жизни съ точки зрѣнія идеала Христа, а потому судилъ ее очень строго, пристрастно, на воровство фруктовъ онъ смотритъ, какъ на величайшее преступленіе

только смущало и сокрушало меня, это — то, что я не нашел там имени Иисуса Христа“ ¹⁾. В другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „я вѣрилъ, иногда тверже, иногда слабѣе: но всегда вѣрилъ тому, что Ты (Боже) существуешь“ ²⁾ Свои исканія Августинъ началъ съ того, что принялся за чтеніе книгъ Св. Писанія; но они, по собственному признанію, оттолкнули его простотой своего языка; ему больше нравились изящныя по своему языку сочиненія Цицерона, чѣмъ Слово Божіе. „Мнѣ не нравились вѣшняя оболочка языка, а внутреннее содержаніе было непостижимо для ума моего“ ³⁾. Оставивъ св. Писаніе, Августинъ за истиной обратился къ людямъ, которые всю свою жизнь посвятили для отысканія ея. „Жажда истины, говоритъ Августинъ, непознанной въ источникъ ея, заставила меня обратиться къ философамъ, и я обратился къ нимъ“ ⁴⁾. Философами Августинъ называетъ манихеевъ, съ ученіемъ которыхъ ему пришлось познакомиться раньше всего. Ученіе манихеевъ нельзя назвать строго философскимъ; это была религіозно-философская смѣсь, составленная изъ христіанскихъ понятій, восточныхъ вѣрованій и различныхъ философскихъ системъ; это было дуалистическое ученіе, допускавшее существованіе двухъ противоположныхъ другъ другу началъ: добраго и злого, свѣтлаго и мрачнаго. Историками не установлено прочно, всѣ ли манихеи признавали два совѣчныхъ начала въ абсолютномъ смыслѣ слова. Но несомнѣнно, что та фракція манихейства, въ которой воспринялъ его Августинъ, учила, что два противоположныя начала существуютъ отъ вѣчности, она понимала злое начало, какъ совѣчное верховной причинѣ и верховному началу міра (о чемъ свидѣтельствуется Августинъ ⁵⁾), хотя въ то же время признавала, что злое, темное начало, называемое матеріей или обыкновенно демономъ, ограничено. По ученію манихеевъ, часть Божества или добраго, свѣтлаго начала была поглощена сатаной, т. е. злымъ началомъ, матеріей въ борьбѣ съ нимъ и, чтобы эта оторванная часть добраго начала не соедини-

1) Исп. 3 к. 4 гл.

2) Ibid., 6 к. 5 гл.

3) Ibid., 3 к. 5 гл.

4) Исп. 3 к. 6 гл.

5) De haer.

лась вновь со своимъ первоисточникомъ, сатана раздробилъ эту часть Божества на множество мелкихъ частицъ, облекъ ее въ матерію, разлилъ по матеріи это свѣтлое начало. Такимъ образомъ, въ каждомъ матеріальномъ тѣлѣ заключена частица божества, въ большемъ по объему тѣлѣ божества содержится больше, въ меньшемъ — меньше. Въ человѣкѣ этого свѣтлаго начала собрано и заключено больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ тѣлѣ, но въ немъ и наиболѣе сильна матерія. Назначеніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы онъ стремился къ освобожденію отъ узъ матеріи, къ сліянію съ Божествомъ. Средство къ этому—аскетизмъ, умерщвление плоти.

Августинъ увлекся манихейской системой. Его привлекъ къ ней рационалистическій характеръ ея, въ частности ученіе о двухъ міровыхъ началахъ. Ему казалось, что наболѣвшій въ немъ вопросъ о злѣ удовлетворительно разрѣшался ученіемъ манихеевъ о совѣчности двухъ началъ. „Любя въ добродѣтели миръ, говоритъ Августинъ, а въ порокѣ ненавидя раздоръ, я замѣчалъ въ первомъ единство, а въ послѣднемъ какое-то раздвоеніе. И въ этомъ единствѣ мнѣ представлялась душа разумная, обладающая истиннымъ и высочайшимъ благомъ, а въ раздвоеніи неразумной жизни я, несчастный, воображалъ, не знаю, какое-то существо, съ присущимъ ему началомъ зла, которое не только имѣетъ бытіе, но и обладаетъ полнотой жизни, а между тѣмъ происходитъ не отъ Тебя, Боже мой, тогда какъ Ты Творецъ всего“ 1). Августинъ пробылъ въ сектѣ манихеевъ около девяти лѣтъ, но уже вскорѣ послѣ вступленія въ эту секту онъ началъ сомнѣваться въ истинности ея ученія; онъ сталъ читать сочиненія философовъ и все больше и больше чувствовалъ отвращеніе къ манихейству. Своимъ мрачнымъ ученіемъ манихейство не могло удовлетворить пытливый и беспокойный духъ Августина. Манихейство смѣло рѣшало только вопросъ о происхожденіи зла, но не отвѣчало удовлетворительно на вопросъ, какъ избѣжать раздвоенности, какъ спастись человѣку? Божество манихеевъ не могло придти на помощь человѣку, не могло его спасти: оно само нуждалось въ помощи, часть его была заключена въ мате-

1) Иск к 4 гл 15

ри. Манихейство своимъ ученіемъ назѣвало на человѣка пессимизмъ, мрачное отчаяніе и — только. Этого Августина не могъ не сознать и особенно онъ почувствовалъ это послѣ смерти своего друга. „Я страдалъ, вздыхалъ и стоналъ, проливалъ слезы, былъ постоянно въ безпокойствѣ и тревогѣ; не было у меня ни покоя, ни благоразумія. Я носился съ мученной и истерзанной душою своею, и не зналъ, куда дѣваться съ нею; сама она не находила себѣ мѣста“ ¹⁾. Одно обстоятельство замедлило разрывъ Августина съ манихействомъ: это именно — ожиданіе въ Карфагенѣ знаменитаго манихейскаго мудреца Фавста. Карфагенскіе манихеи увѣряли Августина, что Фавстъ разрѣшитъ всѣ его колебанія. Послѣ знакомства съ Фавстомъ, Августинъ увидѣлъ, что тотъ не въ состояніи разрѣшить всѣхъ его сомнѣній, въ чемъ Фавстъ ему открыто сознался. Тогда Августинъ рѣшилъ порвать связи съ манихействомъ.

Вслѣдъ за манихействомъ, какъ реакція противъ него, у Августина наступило скептическое настроеніе. Если въ мірѣ, думалъ Августинъ, нѣтъ ничего постояннаго, неизмѣннаго, а все измѣнчиво, призрачно, обманчиво, если и въ самой натурѣ человѣка замѣчается ложь, раздвоеніе, то возможно ли познаніе объективной истины, если мы даже и допустимъ ея существованіе. „Я сталъ думать, говорить Августинъ ²⁾, что едва ли не умнѣе всѣхъ были тѣ философы, которые во всемъ сомнѣвались, утверждая, что человѣкъ не можетъ постигнуть истины. Этихъ философовъ называютъ академиками. И я соглашался съ ними, хотя ученія ихъ не постигалъ“. Но скептикомъ Августинъ оставаться долго не могъ: его пытливый духъ искалъ истины, чувствуя, что она достижима, а скептицизмъ требовалъ отреченія отъ нея; своимъ отрицаніемъ скептицизмъ производилъ только новое безпокойство, новыя стремленія къ восстановленію отнятаго. Отрицаніе вопроса не есть его разрѣшеніе, Августина попрежнему мучать вопросы: о Богѣ, злѣ и т. п.

Въ Медиоланѣ Августинъ, благодаря одному платонику, познакомился съ произведеніями нѣкоторыхъ неоплатониковъ; они произвели на него очень сильное впечатлѣніе: въ

¹⁾ Исп 4 к 7 гл.

²⁾ Исп 5 к 10 гл

неоплатонизмъ онъ увидѣлъ много такого, къ чему смутно стремилась его душа. „Въ этихъ книгахъ, говоритъ Августинъ, я вычиталъ многія истины (Св. Писанія), хотя выраженные не тѣми словами, но заключающія въ себѣ въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ тотъ самый смыслъ“ ¹⁾. Сочиненія неоплатониковъ натолкнули Августина на мысль, что для отысканія истины, Бога, нужно прежде всего обратиться внутрь себя, углубиться въ свое собственное „я“, войти во внутреннюю хранилищу души своей. Я вошелъ, и узрѣлъ тамъ внутреннимъ окомъ души своей тотъ вѣчный и неизмѣнный свѣтъ, который превыше ея взора, превыше ея самой... Кто позналъ истину, тотъ позналъ и свѣтъ этотъ, а кто позналъ этотъ свѣтъ, тотъ позналъ и вѣчность.. Это — Ты, Боже мой, къ которому воздыхаю я денно и пощно.. Ты воззвалъ издали: Азъ есмь Сый, и Азъ есмь путь и истина и животъ. И я слышать Твой голосъ, во глубинѣ души, такъ что не было уже мѣста во мнѣ ни малѣйшему сомнѣнію“ ²⁾.

Неоплатонизмъ привлекъ къ себѣ Августина своимъ возвышеннымъ ученіемъ о Богѣ и своимъ ученіемъ о злѣ. Божество, по ученію неоплатониковъ, свободно отъ всего чувственнаго, матеріальнаго; это существо чисто духовное, абсолютное, неограниченное. Сопоставляя понятіе о Божествѣ неоплатониковъ съ понятіемъ манихеевъ, Августинъ видѣлъ, что оно много выше, чище послѣдняго. Вопросъ о злѣ у неоплатониковъ разрѣшался разумнѣе, чѣмъ у манихеевъ. По ихъ ученію существуетъ только добро, зло же состоитъ въ не-сущемъ (*ἐν τοῖς οὐ ὄντι*). Августинъ, какъ увидимъ, удержалъ это понятіе о злѣ и въ своихъ христіанскихъ воззрѣніяхъ. Неоплатоники не признавали зла, подобно манихеямъ, какимъ-нибудь положительнымъ началомъ, противоположнымъ Богу. Такое ученіе было Августину по душѣ больше, чѣмъ мрачное, пессимистическое ученіе манихеевъ. Но и это, довольно возвышенное ученіе, не отвѣчало Августину на вопросъ: какъ же спастись человѣку? Какъ избѣжать разлада Божество неоплатониковъ не приходитъ въ этомъ случаѣ на помощь человѣку: правда, это божество само не нуждается въ помощи, какъ божество манихеевъ,

¹⁾ Испов. 7 к. 9 гл.

²⁾ Испов. 7 к. 10 гл.

но оно вполне безучастно къ человѣческому роду. Общеніе человѣка съ неоплатоническимъ божествомъ возможно было только въ состояніи экстаза; другого, болѣе прочнаго, пути къ общенію съ божествомъ для человѣка нѣтъ, да и быть не можетъ, такъ какъ божество не можетъ снизойти до человѣчества. Человѣкъ и божество въ неоплатонизмѣ раздѣлены цѣлой пропастью. „Какое различіе, говоритъ Августинъ ¹⁾, между тѣми, которые съ пустынной вершины горы взираютъ на мирное отечество, но не имѣютъ возможности найти къ нему дороги, напрасно изнуряя себя по окольнымъ извилинамъ, и — тѣми, которые идутъ туда прямымъ путемъ“. Августинъ не могъ остановиться на неоплатоническомъ божествѣ, онъ ищетъ такого божества, которое дѣятельно бы помогало человѣку спастись. „Отъ неоплатониковъ его отталкиваетъ отсутствіе человѣчности въ ихъ представленіи божества.. Онъ усвоетъ ученіе ихъ о вѣчномъ божественномъ Логосѣ. Но эти глубокія умозрѣнія неоплатониковъ не удовлетворяютъ будущаго отца церкви, потому что имъ чужда идея вочеловѣченія, Боговоплощенія, которая одна въ состояніи побѣдить дуализмъ, примиривъ человѣческое, земное съ божественнымъ“ ²⁾ На неоплатонизмѣ, очевидно, Августинъ не могъ успокоиться

Логически заключаая, онъ долженъ былъ придти къ христіанству: отвѣтъ на его основной запросъ относительно спасенія человѣчества давало только оно, такое Божество, каковаго Августинъ искалъ, было только въ христіанствѣ. Обращеніе Августина ко Христу не было неожиданнымъ, рано или поздно оно должно было совершиться. Манихейство, скептицизмъ, неоплатонизмъ, въ которые Августинъ послѣдовательно вступалъ, были лишь переходныя стадіи въ развитіи его мышленія. Самъ Августинъ въ своихъ философскихъ скитаніяхъ видѣлъ руку Промысла Божія, которая водила его по этимъ путямъ для того, чтобы прочнѣе установить его міросозерцаніе и особенно благодѣтельное значеніе онъ приписывалъ неоплатонизму ³⁾. По его сознанію платоническая философія возжгла въ немъ чудный огонь и

¹⁾ Исц. 7 к. 21 гл.

²⁾ Трубецкой. Мирозоз. 61 Авт. стр. 42

³⁾ Исц. 7 к. 20 гл.

поставила его у вратъ Церкви ¹⁾ И дѣйствительно, неоплатоническая философія сообщила Августину довольно правильныя понятія о Богѣ, какъ Высочайшемъ Умѣ, Силѣ и Любви, о злѣ. Она была послѣднимъ пунктомъ, отъ котораго былъ одинъ шагъ къ христіанству.

Въ Медиоланѣ Августинъ познакомился съ знаменитымъ епископомъ Амвросіемъ, который своею величественною личностью, живымъ воплощеніемъ въ себѣ идеи церковности произвелъ на него очень сильное впечатлѣніе и окончательно склонилъ въ пользу христіанства. Исканія Августина должны были кончиться, такъ какъ онъ видѣлъ въ христіанствѣ то, что такъ долго и страстно искалъ. И вотъ на 31 году жизни Августина совершается его обращеніе въ христіанство и съ этого года начинается новая для Августина жизнь, жизнь чрезвычайно плодотворная, какъ для него самага, такъ и для церкви.

Мы видѣли, какіе философскіе запросы были у Августина, видѣли и то, гдѣ и какъ онъ удовлетворялъ этимъ запросамъ. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію его философскихъ возрѣній, выработка которыхъ стоила ему такихъ сильныхъ душевныхъ, а подчасъ и физическихъ мукъ. Центральное, основное ученіе Августина, изъ котораго вытекаютъ и разрѣшаются всѣ другіе, мучившіе его вопросы о происхожденіи міра, о времени и пространствѣ, о злѣ, спасеніи человѣчества, это—ученіе о Богѣ. Богъ, по ученію Августина, есть Самосуцій, Безконечный, Абсолютный, Высочайшій Духъ. „Ты, говоритъ онъ, великій Боже, въ вышнихъ живый и на смиренныя призирая, никому недоступный и всему присуцій, безконечностью котораго устраняются стѣняющія насъ формы пространства и времени, въ комъ духовность не ограничивается тѣлесностью, Ты, будучи Самъ безпредѣлень“ ²⁾. Богъ обладаетъ всѣми свойствами и совершенствами, въ Немъ они достигаютъ своей высочайшей степени. Ему присуща высочайшая благодать, всевѣдѣніе, кротость, совершенная полнота и полное довольство Собою, правосудіе ³⁾. Ему доступно полное знаніе Самого Себя „Ты, одинъ Боже, знаешь вполне Себя,

¹⁾ Исп 5 к. 9 10 г.л. и Противъ акад Кн 2 гл 5.

²⁾ Исп 6 к. 3 гл

³⁾ Ibid, 2 к 6 гл.

что Ты и каковъ въ Себѣ“¹⁾. Онъ есть величайшая любовь, которая всегда горитъ и никогда не погасаетъ²⁾. „Онъ одинъ неизмѣняемъ и въ своемъ бытіи, неизмѣняемъ и въ своей волѣ“³⁾, въ Немъ нѣтъ и тѣни переменъ; „Онъ вѣченъ, единъ имѣетъ безсмертіе⁴⁾, всемогущъ⁵⁾. Богъ вездѣсущъ⁶⁾, но вездѣсущіе Его нельзя понимать пантеистически, манихейски. Богъ не превращается въ качество міра; Онъ существуетъ вездѣ, но не такъ, какъ что-нибудь заключающееся въ пространствѣ, такъ какъ въ пространствѣ содержатся только тѣла, Богъ же есть Духъ; Онъ не заключается ни въ чемъ, а все содержится въ Немъ, содержится Его силой. Богъ присутствуетъ вездѣ не имманентно только, какъ учили манихеи, но имманентно-трансцендентно. Откуда же мы познаемъ Бога? Августинъ учитъ, что Бога мы должны искать, прежде всего, внутри себя, внутри своего „я“. „Въ чемъ, спрашиваетъ онъ, въ тѣлѣ или душѣ я долженъ искать Бога? Конечно, внутренняя часть существа моего лучше внѣшней⁷⁾. Обращаясь внутрь своего существа, мы находимъ въ немъ прирожденную идею Божества; именно, мы находимъ Бога въ нашей изумительной способности—памяти.

Мы сознаемъ въ себѣ стремленіе къ блаженной жизни, желаніе ея, тоску по ней. „Блаженная жизнь въ томъ состоитъ, чтобы радоваться Тобю, о Тебѣ, ради Тебя... Блаженная жизнь есть радость о истинѣ, это радость о Тебѣ, ибо Ты истина“⁸⁾; значить, испытывая тоску по блаженной жизни, мы томимся по Богѣ, стремленіе найти блаженную жизнь, жить по ней, есть стремленіе души слиться съ ея Первоисточникомъ, жить въ Богѣ. Но, вѣдь, для того, чтобы найти потерянную вещь, необходимо имѣть въ памяти воспоминаніе объ этой вещи, ея образъ. иначе мы не могли бы ее искать. Если мы ищемъ блаженной жизни, ищемъ

¹⁾ Ibid, 13 к. 16 гл.

²⁾ Ibid, 10 к. 29.

³⁾ Ibid, 12 к. 16 гл.

⁴⁾ Ibid, 12 к. 11 гл.

⁵⁾ Ibid, 7 к. 15 гл.

⁶⁾ Ibid, 11 к. 3 гл.

⁷⁾ Иер. 10 к. 7 гл.

⁸⁾ Ibid, 23 гл.

Бога, то, слѣдовательно, мы когда-то наслаждались этой блаженной жизнью, созерцали Бога. Всѣ хотятъ блаженной жизни, „а этого не могло бы быть, если бы самая вещь, которая носить названіе блаженной жизни, не существовала въ воспоминаніи“. „Если я нашелъ въ своей памяти нѣчто о Тебѣ, то я помню вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ Кого научился сему. Я не забылъ Тебя, отъ Кого научился. Гдѣ я нашелъ истину, тамъ и нашелъ Бога моего, саму Истину. Ты, давшій мнѣ познать Тебя, пребываешь въ памяти моей; тамъ я нахожу Тебя, когда вспоминаю о Тебѣ и устаждаюсь Тобою“ ¹⁾. Такимъ образомъ изъ способности памяти мы можемъ познавать Бога, ибо Онъ находится тамъ. „Всёконечно Ты обитаешь тамъ (въ памяти), если я помню о Тебѣ, и нахожу Тебя въ памяти, вспоминая о Тебѣ“. „Если найду Тебя внѣ памяти моей, то не буду помнить о Тебѣ“ ²⁾

Мы можемъ познавать Бога и чрезъ разсмотрѣніе видимой природы, въ которой Онъ открываетъ намъ Свои свойства и совершенства. Всѣ видимые предметы, все, что подлечь тѣлеснымъ чувствамъ, все говоритъ, что Богъ существуетъ, что они получили бытіе отъ Него ³⁾. Почему же въ такомъ случаѣ не всѣ познаютъ Бога? Августинъ видитъ причину этого въ томъ, что не всѣ люди ищутъ Бога тамъ, гдѣ Его нужно искать. Богъ говоритъ ясно для всѣхъ, но не всѣ отчетливо слышатъ: „всѣ мудрствуютъ сообразно съ своими желаніями“ ⁴⁾. Люди возлюбили тварей больше, чѣмъ Бога, увлекаются ими, забывая Творца. Богъ открывается только тѣмъ, которые всѣмъ своимъ существомъ ищутъ Его, стремятся къ Нему. „Природа для одного пѣма, а для другого краснорѣчива. Можно сказать даже, что она краснорѣчива для всѣхъ, но понимаютъ ее только тѣ, которые слышатъ ея отвѣтъ слышимый голосъ съ вѣщаніемъ истины, внутри обитающей“ ⁵⁾.

Богъ есть конечная причина всѣхъ вещей, всего міра. Одинъ Онъ остается неизмѣняемъ; всѣ же вещи измѣняютъ-

1) Исп. 10 к. 20 24 гл.

2) Исп. 25 17 гл.

3) Ibid — 6 гл.

4) Исп. 26 к. 10 гл.

5) Ibid, 10 к. 6 гл.

ся, а разъ они измѣняются, то они не существуютъ отъ вѣчности, они сотворены. То, что существуетъ, не будучи сотворено, постоянно и неизмѣнно, въ немъ ничего не можетъ ни убавиться, ни прибавиться „Мы видимъ, что небо и земля существуютъ: они сами за себя громко проповѣдуютъ, что сотворены, потому что подлежатъ перемѣнамъ. . Они свидѣлствуютъ также, что сами себя не сотворили и не могли сотворить“ ¹⁾. Слѣдовательно, міръ сотворенъ Богомъ. Богъ все сотворилъ изъ ничего, однимъ Своимъ всемогуществомъ; что Онъ сотворилъ міръ не изъ Себя это видно изъ того, что міръ безконечно ниже Бога, а если бы онъ былъ сотворенъ Богомъ изъ Себя, то онъ былъ бы равенъ, единосущенъ Ему Не могъ Богъ сотворить міръ изъ міра, изъ какой-нибудь матеріи. Кромѣ Бога не было ничего, изъ чего бы Онъ могъ творить ²⁾. Если мы допустимъ существованіе такой, домірной матеріи, то должны допустить одно изъ двухъ: или что такая матерія существовала отъ вѣчности самостоятельно и, такимъ образомъ, Богъ не будетъ абсолютнымъ, единственнымъ; или же что эта матерія сотворена Богомъ изъ чего-нибудь прежде даннаго. „Допущеніемъ такой матеріи неизбѣжно ограничивалось бы Божеское всемогущество“ ³⁾ Итакъ, нужно признать, что Богъ сотворилъ міръ изъ ничего.

Богъ сотворилъ міръ Словомъ Своимъ, Которое есть верховный Умъ, Начатокъ всего, есть Само Богъ ⁴⁾. „Въ семъ то Началѣ сотворилъ Ты, Боже, небо и землю, дивнымъ образомъ говоря и дѣйствуя: и это Начало есть Слово Твое, Сынъ Твой, Твоя Крѣпость, Твоя Премудрость, Твоя Истина“ ⁵⁾. Мотивъ, которымъ руководился Богъ, творя міръ, заключается въ Его безконечной благодати. Отъ вѣчности Богъ существовалъ и блаженствовалъ одинъ, ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждаясь, но единственно по Своей благодати Онъ восхотѣлъ, чтобы явились другія существа, которыя могли бы наслаждаться счастьемъ.

„Всѣ творенія Твои произошли отъ полноты благодати

¹⁾ Исх. 11 к. 4 гл.

²⁾ Ibid. 12 к. 7 гл.

³⁾ Ibid. 11 к. 5 гл.

⁴⁾ Ibid. 11 к. 7 гл.

⁵⁾ Исх. 13 к. 2 гл.

Твоя, и Тебѣ благоугодно было возвать ихъ изъ небытія въ бытіе, для того, чтобы пріостекающее изъ міротворенія Твоего благо, не оставалось безъ осуществленія, хотя Самъ Ты нисколько не нуждался въ немъ; оно зависѣло отъ одной Твоей всеблагой и всемогущей воли. Ибо чѣмъ заслужили у Тебя небо и земля такую милость, что Ты сотворилъ ихъ въ началѣ“ ¹⁾).

Говоря о твореніи міра, Августинъ вдается въ подробныя космологическія изысканія; онъ принимаетъ Моисеево сказаніе о твореніи міра, хотя, подобно Оригену, допускаетъ въ словахъ Моисея нѣсколько смысловъ, лишь бы они были согласны съ общей идеей этого повѣствованія. Подобнымъ образомъ понимали Моисеево бытописаніе многіе ученые, между прочимъ, средневѣковый итальянскій ученый Мирандоль. Отвѣчая на вопросъ манихеевъ, что Богъ дѣлалъ прежде творенія міра? Августинъ раскрываетъ свои взгляды на время и пространство. Время и пространство, по Августину, есть только условныя формы нашего ума, при помощи которыхъ мы мыслимъ о предметахъ внѣшняго міра; отдѣльно отъ предметовъ ни время, ни пространство не существуетъ. „Только въ душѣ нашей есть соотвѣтствующія тому (т. е. настоящему, прошедшему и будущему) три формы воспріятія, а не гдѣ нибудь индѣ (т. е. въ предметной дѣйствительности)“ ²⁾).

Пустое время, равно какъ и пустое пространство существуютъ только въ идеѣ; „оно есть одно представленіе въ умѣ моемъ“ ³⁾). Слѣдовательно, время и пространство появились вмѣстѣ съ вещами; до творенія міра ни времени, ни пространства не могло быть. „Твореніе предполагаетъ время, говоритъ кв. Трубецкой: но вмѣстѣ съ тѣмъ и время предполагаетъ твореніе; ибо не будучи формой абсолютной дѣйствительности, оно всегда предполагаетъ нѣчто мѣняющееся, слѣдовательно сотворенное; время создано заразъ съ твореніемъ, какъ его форма: внѣ созданнаго время—ничто“ ⁴⁾). Если такъ, то не умѣстенъ и вопросъ, что Богъ дѣлалъ

¹⁾ Испов. 13 кв. 2 гл

²⁾ Исп 11 к 26 гл

³⁾ Ibid 23 гл

⁴⁾ Міросоз бг Авт ст 67

прежде творенія міра: самое слово „прежде“ здѣсь немѣстно Богъ не ограничивается ни пространствомъ, ни временемъ: онъ безпредѣленъ и вѣченъ. Но безпредѣльность Божія не заключается въ пространствѣ и вѣчность—во времени, не въ нихъ состоятъ эти свойства Божіи. „Богъ все объемлетъ Своимъ высочайшимъ умомъ, содержитъ въ Своей волѣ, а не въ пространствѣ, какъ нѣкое ограниченное или даже безграничное вмѣстилище“ ¹⁾

„Лѣта Твоя, Господи, яко день единъ, и день Твой не слагается изъ разныхъ дней, погому что онъ не заступаетъ мѣста вчерашняго дня и не уступаетъ его дню завтрашнему, но всегда есть нынѣшній, теперешній, настоящій; и это вѣчно настоящій день Твой или всегдашнее Твое нынѣ и есть Твоя вѣчность“ ²⁾

Всѣ вещи сотворены Богомъ, а если такъ, то всѣ вещи добры. И, дѣйствительно, Августинъ признаетъ, что „все, что ни существуетъ, есть добро... каждое изъ твореній Твоихъ само въ себѣ добро, а всѣ вмѣстѣ—въ высшей степени добры; ибо вся дѣла Твоя, Господи, вся елика сотворилъ еси, се добра зѣло“ ³⁾.

Вещи служатъ отображеніемъ Божества: онѣ прекрасны, ибо Богъ красота, добры—ибо Онъ благодать, онѣ существуютъ, потому что Онъ Сый ⁴⁾. „Откуда же спрашиваетъ Августинъ, зло, когда Богъ, все сотворившій благъ, и потому все, что ни сотворилъ Онъ, все—добро?“ ⁵⁾. Нельзя допустить бытіе отъ вѣчности какой-нибудь матеріи, которая существовала самобытно, наряду съ Богомъ, ибо это несогласно съ всемогуществомъ Божіимъ и противорѣчитъ идеѣ Бога. А если эта матерія зависѣла отъ Бога, „то почему бы силою того же всемогущества не разрушить было окончательно тогда же этой злой матеріи, и такимъ образомъ оставаться Самому независимымъ, истиннымъ, высочайшимъ и безконечнымъ Благомъ“ ⁶⁾. Если же Богъ хотѣлъ сотворить міръ изъ матеріи, то почему бы ему злую матерію не

1) Исп 7 к. 20 гл

2) Ibid 11 к 13 гл.

3) Исп 7 к 12 гл

4) Ibid 11 к 4 гл.

5) Ibid 7 к 5 гл.

6) Ibid 7 к 5 гл

претворить въ добрую? Если Богъ по необходимости творилъ міръ изъ матеріи, то, значить, Онъ не всемогущъ. - Что же такое зло? „зло не естъ какое-нибудь живое начало или существо“ ¹⁾, „не есть какая либо сущность (substantia); иначе это зло, будучи субстанціей, было бы добро“ ²⁾. Признавши зло субстанціей, мы должны будемъ придти къ такому абсурду: зло, какъ субстанція, не будетъ подлежать поврежденію, слѣдовательно, будетъ абсолютное добро, или же эта субстанція подвержена поврежденію, а разъ она испытываетъ порчу, то въ ней есть нѣкоторое добро иначе не было бы чему въ ней портиться. „Зло есть ничто иное, какъ отрицаніе добра“ ³⁾, оно есть небытіе, не-сущее. Въ тваряхъ, какъ представляющихъ собою относительное добро, замѣчаются нѣкоторыя степени, эти то степени и кажутся зломъ.

Зло есть несовершенство тварей, или же уклоненіе ихъ отъ воли Творца: оно „есть уклоненіе развращенной воли отъ Тебя, Господи, Существа высочайшаго и совершеннѣйшаго и ниспаденіе ихъ съ высоты первобытнаго совершенства своего, Тобою имъ дарованнаго, въ бездну своего несовершенства, гдѣ внѣ Тебя и независимо отъ Тебя мечтаютъ утвердить свою гордыню и въ животѣ своемъ извергаютъ утробу свою“ ⁴⁾.

Какъ же Августинъ отвѣтилъ на свой философскій запросъ: какъ спасается человѣкъ? Этотъ вопросъ Августинъ разрѣшилъ ученіемъ объ искупленіи Богомъ-Словомъ чело-вѣчества.

Люди представляютъ собою слабое отображеніе Божества: въ нихъ добра мало, они постоянно уклоняются отъ все-благой воли Божіей. „Я утраченъ моими прегрѣшеніями, грохаднымъ безсиліемъ моимъ... я хотѣлъ бѣжать въ пустыню“ ⁵⁾.

Человѣкъ не въ состояніи самъ спастись, придти къ Богу, войти съ Нимъ въ тѣсное общеніе Ему нуженъ посредникъ, который примирилъ бы его съ Богомъ доставилъ имъ ту

¹⁾ Исн 4 к 15 гл

²⁾ Ibid 7 к 12 гл

³⁾ Исн 3 к 7 гл

⁴⁾ Исн 7 к 16 гл

⁵⁾ Ibid 10 к. 42 л л

блаженную жизнь, которую они тщетно ищутъ на землѣ, въ царствѣ смерти. Нуженъ такой посредникъ, у котораго было бы нѣчто подобное и Богу и людямъ. Такимъ посредникомъ, примирителемъ людей съ Богомъ является Слово, которое равно было Богу, „быль Богъ у Бога, а вмѣстѣ съ Духомъ Святымъ было Единный Богъ Истинный Посредникъ Посредникъ Бога и человѣковъ человѣхъ Христосъ Иисусъ явился между подлежащими смерти грѣшниками и безсмертной правдой. Смертенъ какъ люди, праведенъ какъ Богъ... Своею праведностью уничтожилъ для грѣшниковъ смерть“ ¹⁾. „Онъ призываетъ насъ возвратиться къ нему—Жизнодавцу, въ то лоно, откуда Онъ явился къ намъ“ ²⁾, призываетъ къ общенію съ Нимъ, въ Которомъ все наше успокоеніе. Искупленіе, по Августину, нужно, какъ исправительная мѣра, какъ путь къ блаженной жизни, нужно для того, „чтобы мудрость Божія содѣлалась для насъ, какъ дѣрей, также доступной, какъ молочная пища для младенцевъ“ ³⁾.

Философскія воззрѣнія бл. Августина, выработанныя имъ путемъ долгихъ сомнѣній и колебаній не чужды вліянія тѣхъ философскихъ системъ, ученикомъ которыхъ онъ послѣдовательно состоялъ. Въ нихъ Августинъ не избѣжалъ совершенно манихейскаго дуализма, выражающагося въ томъ, что зло, хотя и не представляется въ нихъ субстанціей, но все же является необходимымъ элементомъ, темнымъ фономъ, на которомъ проявляется все величіе Божества ⁴⁾.

Виденъ въ его воззрѣніяхъ и скептицизмъ академіи. Для того, чтобы познать истину, по Августину, нужно придти къ сознанію своего безсилія, смириться, отречься отъ возможности познанія истины своими собственными силами. Изъ ученія неоплатониковъ Августинъ очень много почерпнулъ для своихъ воззрѣній, такъ, напр. онъ цѣликомъ принялъ ихъ ученіе о злѣ.

Ф Погорьловскій.

¹⁾ Ист. 10 кн. 43 гл.

²⁾ Ibid 4 кн. 12 гл.

³⁾ Ibid 7 кн. 18 гл.

⁴⁾ Кн Трубецкой

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**